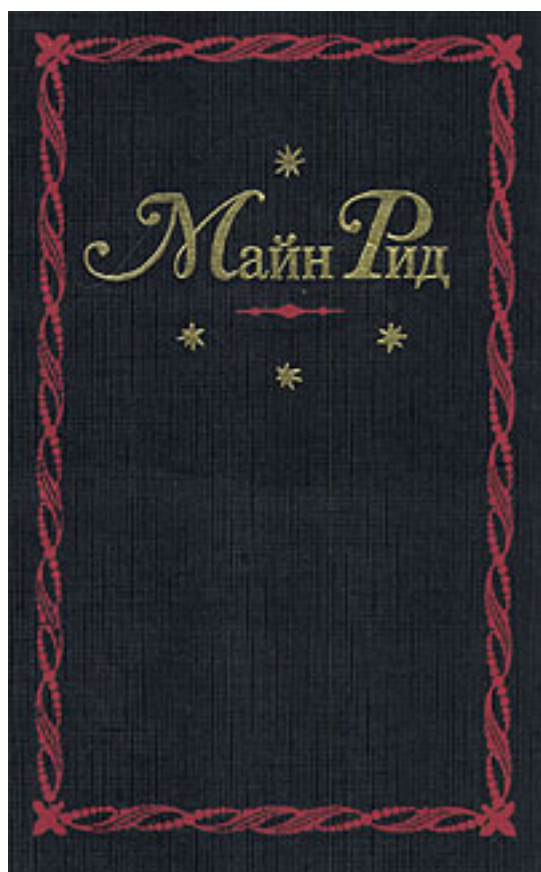

Томас Майн Рид **Бандолеро, или Свадьба в горах**

Текст предоставлен переводчиком
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122681

Аннотация

Когда американские войска заняли мексиканский город Ла Пуэбло де лос Анжелос, мало кто мог предположить, что вскоре в городе развернется настоящая герилья, и покидать расположение своей части для американского солдата станет опасно для жизни. Но влюбившись в прекрасную Мерседес молодой американский офицер отваживается отправиться ночью к её дому. Вместе с героями книги читатель сможет окунуться в жестокий, но завораживающе красивый мир Мексики середины XIX века...

Содержание

Глава I	4
Глава II	7
Глава III	9
Глава IV	11
Глава V	13
Глава VI	16
Глава VII	18
Глава VIII	21
Глава IX	24
Глава X	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Майн Рид

Бандолеро, или Брак в горах

Глава I

Город Ангелов

Ла Пуэбло де лос Анджелос – город, своеобразный даже среди городов современной Мексики. Своеобразие его в том, что две трети населения состоит из священников, *пеладос* (бродяг), *побланос* (крестьян), воров и наглых *пикаронес* (мошенников).

Может, я даже слегка преувеличил, сказав, что треть населения – «*джент де буэно*», или уважаемые горожане. Некоторые путешественники вообще отрицают их существование; но это преувеличение в противоположную сторону.

Доверяя собственным воспоминаниям, я могу утверждать, что встречал и честных мужчин – и женщин тоже – в городе Ангелов. Но не стану настаивать на том, что они составляют треть населения. Возможно, меньше трети – и уж *точно не больше* !

Несомненно также вот что: каждый десятый встреченный вами на улице – либо священник, либо каким-то образом связан со святым братством; а каждая десятая женщина далеко не ангел!

Приходские священники в сутанах из черного шелка, в тонких чулках и угольно-черных шляпах с полями в три фута в диаметре; монахи всех орденов и цветов: в черном и белом, в синем, коричневом и сером, с выбритыми тонзурами и в сандалиях на босу ногу встречаются не на каждом углу, а буквально на каждом шагу.

Если бы монахи были безупречны, Пуэбло мог бы оправдать свое святое название – *город Ангелов* . Но гораздо более подходит для него название *город Дьяволов* !

«Чем ближе к церкви, тем дальше от Бога».

Эта пословица поразительно оправдывается в Пуэбло, где церковь не только присутствует – во всех своих внешних символах и проявлениях, но прежде всего бросается в глаза. Она правит этим городом. Она владеет им. Почти все дома в городе, почти каждый акр обширной равнины, окружающей его, принадлежат церкви – либо полностью, либо по праву заклада.

Проходя по улицам, видишь написанные на дверях фразы – на каждых трех из четырех дверей – «Каса (дом) святого Августина», «Каса святого Франциска», «Каса Иисуса» и тому подобное.

Если человек, впервые попавший в город, спросит, что значат эти надписи, ему объяснят, что дом принадлежит соответствующему монастырю, чье название и написано на двери. Короче, вы увидите церковь над собой, за собой, вокруг себя, церковь, владеющую телами и душами *побланос* ; и обнаружите вездесущие продажность и мошенничество.

В других отношениях Пуэбло можно было бы назвать земным раем. Она расположена в центре обширной равнины, плодородие которой подсказало Кортесу и его конкистадорам название «*ла Вега*»(ферма), и окружена амфитеатром величественных гор, подобных которым нет на земле; здесь царит вечная весна, и место это поистине могло бы стать жилищем ангелов; однако стало домом бесстыдных мужчин и не менее бесстыдных женщин.

Несмотря на недостатки в области морали, *Ла Пуэбло де лос Анджелес* – исключительно красивый город: и в современном состоянии, и как памятник истории. И то и другое полно романтикой.

Когда стоишь на месте древнего ацтекского города, видя перед собой Чолулу – индейские Афины, а по другую сторону горы Малинче – Тласкалу, Спарту индейцев, сердце не может остаться равнодушным к истории такого места. И хотя мудрецов Чолулы и воинов Тласкалы сейчас невозможно узнать в их выродившихся потомках, величественные картины, в которых они когда-то черпали свое вдохновение, сохранились. Со всех сторон возвышаются Кордильеры. Высоко на фоне неба на востоке вздымается «Звездная гора»; с запада не менее грандиозный Попокатепетль. В торжественном молчании застыла «Белая Сестра» под холодным снежным покровом.

Я хорошо помню, какое впечатление испытал, когда, миновав «злые земли» Пероте, впервые увидел купола и шпили Ла Пуэбло. Впечатление было сильное, мистическое и романтическое; я испытал даже больший интерес, чем впоследствии, когда впервые увидел долину Теночтитлана. Такое впечатление никогда не забывается!

Появление мое в «городе Ангелов» было необычным; поскольку его обстоятельства тесно связаны с последующими событиями, нужно о них рассказать. Я пишу, опираясь на воспоминания, такие яркие, что писать мне легко. И могу поручиться, что пишу правду.

Я был одним из трех тысяч солдат; все мы были покрыты пылью дорог; у многих после пеших переходов по лавовым скалам Лас Вигас и пустынным равнинам Пероте сбиты ноги; мы потеряли нескольких товарищей в столкновениях с копейщиками у подножия горы Малинче; и все устали до полусмерти.

Но когда мы увидели перед собой священный город, усталость была забыта, на пыль и шрамы мы перестали обращать внимание и под бой барабанов и звуки горнов двинулись на город, чтобы овладеть им.

Нам для этого не понадобились воинские подвиги. У ворот нас встретил *алькальд* с членами своего магистрата; с красноречием на устах, но со злобными мыслями в душе он неохотно препоручил нам «свободу города».

Можно ли было удивляться этой неохотности? Мы удивлялись тому, что нас встретили вежливые речи, а не жестокие удары. Во время всего пути мы слышали, что именно у Пуэбло нас остановят. Здесь мы встретимся с сыновьями «*тиерра темплада*» (местность с умеренным климатом); и наши лавры, малой ценой полученные от расслабленных детей «*тиерра калиенте*» (теплый климат), будут сорваны «*валиентес*» (храбрецами) Ла Пуэбла. Святые «святого города» обещали массовое жертвоприношение, и мы ожидали по крайней мере хоть какой-то схватки.

Но были разочарованы – не скажу, что неприятно: к конце концов схватки – не самое приятное в такой кампании, особенно в виду большого города противника. По моему мнению, гораздо приятней увидеть улицы без баррикад, тротуары без пятен крови, даже если это кровь врага, магазины и рестораны открытыми, а в окнах множество прекрасных фигур и улыбающихся лиц.

Именно так мы были приняты в *городе Ангелов*. Никаких баррикад, никаких схваток на улицах, вообще никаких препятствий. Прекрасные фигуры на месте, в тени за железными решетками или на свету на балконах верхних этажей. Многие из лиц красивы; хотя не стану утверждать, что все они улыбались. Правильней было бы сказать, что почти все смотрели на нас хмуро.

Прием оказался холодным; но удивительно, что нас вообще приняли, а не встретили горячо – в другом смысле. В целом, всадников и пехотинцев, нас было не больше трех тысяч усталых солдат. Мы были возбуждены звуками барабанов, мыслями о своих завоеваниях и, может быть, взглядами сверкающих глаз, под которыми проходили. Мы шли по улицам города, в котором свыше шестидесяти тысяч жителей и чьи дома способны вместить вдвое больше; это массивные величественные сооружения, с фресками на фасадах; они мрачно

возвышались над нами, и каждый дом можно было превратить в крепость. В городе недавно размещался сильный гарнизон, превосходивший нас по численности в десять раз!

Одни женщины города могли бы смести нас, если бы каждая что-нибудь швырнула нам в головы: сигарету или туфли. Они смотрели на нас так, словно готовы были уничтожить!

Однако вход в город не прошел без потерь. Некоторые из нас получили раны, которые долго не заживали.

Это были сердечные раны, нанесенные этими сверкающими взглядами, которыми особенно славятся женщины Пуэбло.

Могу присягнуть, что одно сердце испытало такую рану.

Усталые пехотинцы опустили оружие на *ПлазаГранда*. Кавалерийские эскадроны поскакали по улицам в поисках казарм.

По подсказкам мрачных городских чиновников казармы вскоре были найдены; и еще до наступления ночи в городе Ангелов воцарился новый режим. Священники уступили место солдатам!

Глава II

Город Дьявола

Наша победоносная армия, так легко вошедшая в город Ангелов, вскоре обнаружила, что он заслуживает другого названия; не прошла и неделя, как многие мои товарищи предпочли бы быть расквартированными «где-нибудь в Тимбукту». Но, несмотря на антипатию к этому городу, мы вынуждены были в нем оставаться несколько месяцев, так как было еще неразумно двигаться на столицу.

Между «Вегой» Пуэбло и Мексиканской долиной возвышается грандиозная стена – главные «кордильеры» Мексиканских Анд. Ее можно преодолеть в нескольких пунктах, в которых немногочисленные защитники могут успешно удерживать превосходящие силы наступающих. Нам сообщали, что все такие проходы укреплены и заняты гарнизонами.

Больше того, город Мехико нельзя было рассматривать в том же свете, что многие другие города Имперской Республики, которые сдались нам с такой легкостью – Пуэбло оказался в их числе. Пуэбло – лишь один из городов на окраинах, Мехико – столица государства, в нее до сих пор никогда не вступал враг; три столетия не знала она прихода завоевателей.

Вокруг нее соберутся все рыцари старны, готовые отдать жизнь за этот город, как поступали ацтеки, защищая свой древний Теночтитлан.

Действуя под влиянием романтического заблуждения, наш нерешительный главнокомандующий приказал оставаться в городе Ангелов.

Эта остановка будет стоить нам жизни нескольких тысяч храбрых солдат: впоследствии было доказано, что мы могли продолжать свой триумфальный марш и беспрепятственно захватить столицу.

Но судьба или Скотт, правившей ею, повелели нам оставаться в Ла Пуэбло. (Генерал Скотт командовал американской армией в так называемой Мексиканской войне 1846-1848 годов. – Прим. перев.)

Если бы город действительно был населен ангелами, думаю, мало кто из моих старых товарищей захотел бы в нем оставаться.

Конечно, мы были во вражеском городе, но особых проявлений враждебности не встречали. Жители с самого начала оставались преимущественно в домах – конечно, те из них, кто мог жить, не выходя на улицы. Торговцев с нас хватало, их цен – еще больше.

Но женщины – множество девушек видели мы в окнах во время входа в город и почти не видели впоследствии – женщины словно внезапно исчезли; и за немногими исключениями нам они больше не встречались.

Мы считали, что они смотрят на нас из глубокой тени за оконными решетками; и у нас были основания считать, что удерживает их там только ревность их мужчин.

Что касается мужчин, то вскоре мы познакомились с их склонностями. В городе с шестьюдесятью тысячами жителей, с возможностью вместить вдвое или втрое больше, как я уже говорил, мы терялись в толпе. В дни парадов или учений мы выглядели внушительно. По крайней мере тогда нас опасались.

Но когда войска расходились по казармам, размещенным по всему городу, положение менялось; и солдат в небесно-голубом мундире мог оказаться на улице единственным честным человеком среди тысячи воров!

В результате *побланос* стали «*муй валенте*» (расхрабрились) и начали думать, что слишком легко сдали город.

А следствием такого мнения или иллюзии стало враждебное отношение к нашим солдатам, проявлявшееся в грубых насмешках, драках и нередко в кровопролитии.

И не только толпы леперос (невоспитанные люди из простолюдов) виновны в этом. И знатные жители города принимали участие в таких безобразиях, направляя свою ненависть против офицеров, которые не сразу понимали их намерения.

Распространился слух – можно назвать это и репутацией, – пробежавший по всей стране. Будто бы *американос*, хотя и храбрые в битвах и выигрывавшие их все, в одиночку боятся врага и уклоняются от стычек.

Такое мнение распространилось и среди женщин; те даже ему на какое-то время поверили.

Я хорошо помню вечер, когда об этом впервые стало известно жертвам клеветы.

Нас было двенадцать человек. Мы сидели за корзиной шампанского – лучшего вина не было в погребах Ла Пуэбло.

По соседству с монастырями всегда найдешь хорошее вино.

Один из нас рассказал, что, когда проходил по улице, его толкнули; толкнула не толпа *пеладос*, а молодые представители городской знати.

Остальные тоже принялись рассказывать об аналогичных случаях – если не сегодня, то в течение недели.

Коснулись доктрины Монро; а вместе с нею и «злобы» против янки.

Как один, мы встали и вышли на улицу.

Было еще рано. Улица была полна пешеходами.

Происшедшее могу оправдать только тем, что нас спровоцировали. Я сам не раз был жертвой словесных оскорблений.

Мы все жаждали мести.

И решили осуществить ее.

Десятки горожан, в том числе и знатных жителей, не желавших уступать нам дорогу, отлетели к стене, многие оказались в канаве; и на следующий день дорога перед человеком в мундире «дяди Сэма» сразу расчищалась.

Однако урок этот, помимо хороших результатов, имел и плохие. Наши рядовые, беря пример с офицеров, принялись колотить *побланос*; в свою очередь *леперос*, застав наших солдат в одиночку, вымещали на них злобу; в некоторых случаях даже лишая жизни.

Игра продолжалась и вскоре стала крайне опасной. Днем мы могли идти, куда вздумается; но с наступлением темноты – особенно темными ночами – выйти на улицы становилось опасно. Если одинокий офицер, или даже двое или трое обедали в какой-нибудь отдаленной части, им приходилось оставаться на ночь у хозяев или рисковать жизнью на пути домой!

Вскоре был установлен *lex talionis* (Закон возмездия, «око за око, зуб за зуб», латин. – Прим. перев.); командующий издал строжайший приказ: ни солдат, ни офицер в одиночку не должны выходить на улицы без разрешения командира отряда или части.

Мы предвидели восстание «ангелов», которых теперь называли не иначе как «дьяволами». Были приняты предупредительные меры.

С этого времени нам запрещено было выходить за пределы расположения, за исключением парадов и упражнений. Мы оказались в настоящей осаде!

Выходить в безопасности можно было только днем, да и то только на улицы в непосредственной близости от казарм. Тех, кто уходил в отдаленные районы города, находили убитыми; ночью же не было безопасности нигде, за пределами видимости наших часовых.

Отлично повернулись дела в городе Ангелов!

Глава III

Женщина на балконе

Несмотря на описанные и некоторые другие неприятности, я не был среди тех, кто предпочитал расквартировку в Тимбукту.

Место иногда начинает нам нравится из-за самого банального происшествия; именно такое обстоятельство и определило мою склонность к Пуэбло.

Человеческое сердце способно на чувства, которые превращают грязь в бриллианты или темноту в свет, – по крайней мере в воображении. Под их влиянием крестьянская хижина превращается в королевский дворец, а деревенская девушка напоминает королеву.

Одержимый такими чувствами, я считал Пуэбло раем: ибо знал, что здесь живет если не ангел, то «прекраснейшая из женщин». Но видел я ее только случайно и один раз; к тому же на расстоянии и всего лишь с минутой.

Произошло это во время уже описанного нашего входа в город. Когда авангард нашей колонны достиг Плаза Гранда, было приказано остановиться. Нужно было подтянуть отставшие тылы. Мой отряд остановился возле большого двухэтажного дома внушительной внешности, с покрытым фресками фасадом, балконами и порталами. Конечно, были и окна; и в своем положении я считал себя вправе посмотреть на них и даже заглянуть в них. Бывают времена, когда человек может позволить себе забыть строгие правила этикета; и хотя это может показаться нерыцарским, завоеватель имеет право заглядывать в окна побежденного города.

Как и мои товарищи, я воспользовался этой дерзкой привилегией и принялся рассматривать окна дома, у которого мы остановились.

В окнах первого этажа никого и ничего, только красные железные прутья и черная пустота за ними.

Посмотрев вверх, я увидел нечто совершенно иное, нечто настолько привлекавшее мой взгляд, что я никак не мог оторвать его. Там было окно с балконом перед ним и с зелеными жалюзи. Опираясь на подоконник и отодвигая жалюзи, там стояла женщина – я едва не сказал «ангел»!

Большой красавицы я никогда не видел и даже не представлял себе; я помню, что подумал тогда: если в Пуэбло есть хоть две такие, город по справедливости поручил свое название – *Ла Пуэбла де лос Анджелес*!

Не светлокотая, как стало модно в последнее время; но смуглая, с глубокими темными глазами; с массой черных волос, в которых торчал большой гребень из черепашьего панциря; брови такие красивые, что кажутся нарисованными; соответствующий пушок на верхней губе – *биготит* (усики), свидетельство андалузского происхождения. Эта девушка – прямой потомок Сида (Герой испанских легенд и средневекового эпоса «Песня о моем Сиде». – Прим. перев.).

Глядя на нее – несомненно, очень бестактно, – я заметил, что она тоже посмотрела на меня. Вначале мне показалось, что она смотрит доброжелательно; потом посерьезнела, как будто возмутилась моей грубостью. Я отдал бы все, чем обладаю, чтобы смягчить ее: свою лошадь и все остальное. Много бы я дал за цветок, чтобы бросить к ее ногам; я знал, как действует на мексиканских «мучача» (девушек) такая лесть; к несчастью, цветка у меня не было.

Но тут мне пришла в голову мысль о замене – сабельный шнур!

Золотая кисточка была мгновенно отделена от рукояти и упала на балкон к ее ногам.

Я не видел, как она ее подняла. В этот момент прозвучал сигнальный рожок, приказывая начинать движение; и я вынужден был двинуться впереди своего отряда.

Когда мы сворачивали с этой улицы, я оглянулся и увидел, что она все еще снаружи; мне показалось, что вдобавок к кольцу с алмазом, украшавшему руку, в ее пальцах есть что-то еще.

Я запомнил название улицы. Калле дель Обиспо.

И дал в глубине души клятву: очень скоро я вернусь на Калле дель Обиспо.

Я не замедлил исполнить свою клятву. На следующий день, сразу после утреннего парада, я вернулся на то место, где видел прекрасную незнакомку.

Дом я узнал без труда. Он был самый большой на улице, с запоминающимся фасадом, покрытым фресками, с окнами с балконами перед ними и с жалюзи. В центре большие ворота, свидетельствующие о том, что сюда въезжают кареты. Короче, все свидетельствовало о доме «*рико*» (богача).

Я запомнил и нужное окно, постарался очень тщательно его запомнить.

Сейчас оно выглядело по-другому. Оставалась только рама, картины в ней не было.

Я осмотрел другие окна дома. Все они тоже пусты. Занавески опущены. В доме как будто никто не интересуется тем, что происходит снаружи.

Я совершил прогулку впустую. Несколько десятков поворотов – туда и назад, три выкуренные сигары и трезвое размышление, что я веду себя глупо; и вот с унижительным ощущением, что остался в дураках, я вернулся к себе в казарму и решил больше не повторять проделанного.

Глава IV Двойники

На следующий же день я отказался от своего решения.

Снова направился на Калле дель Обиспо; снова разглядывал окна дома.

Как и накануне, жалюзи были опущены, и меня снова ожидало разочарование. Ни лица, ни фигуры, сквозь решетку не видно даже пальца.

Приходить еще раз?

Такой вопрос задал я себе на третий день.

И почти ответил отрицательно: потому что к этому времени начал уставать от бессмысленной и бесполезной роли, которую вынужден был играть.

К тому же роль эта опасна. Я мог заблудиться в лабиринте, из которого не так легко найти выход. Был уверен, что смог бы *полюбить* женщину, увиденную в окне. Глубокое впечатление, которое произвели те двадцать секунд, говорило о том, что может произойти при более близком знакомстве.

А что если мне не ответят взаимностью? Чистейшее тщеславие – питать хотя бы слабую надежду на это!

Лучше отказаться, не ходить больше на улицу, где я встретил прекрасное видение, попытаться забыть о нем.

Таковы были мои рассуждения на третий день после прибытия в город Ангелов.

Но только утром. До наступления сумерек произошли изменения. И сумерки имели отношение к этой перемене. В двух предыдущих случаях я неверно выбрал время: не знал, когда красавицы Пуэбло привыкли показываться на балконах. Возможно, поэтому мне не удалось увидеть ту, что так меня заинтересовала.

Я решил попробовать еще раз.

Когда солнечные лучи окрасили розовым цветом покрытую снегом вершину Оризавы, я снова направился на Калле дель Обиспо.

Третье разочарование; но на этот раз совсем иное, чем в двух прошлых случаях.

Час я выбрал верно. Девушка, о которой я думал все три дня, которая снилась мне ночами, была в том же окне, в каком я впервые ее увидел.

Одного взгляда было достаточно, чтобы все очарование меня покинуло.

Ее нельзя было назвать некрасивой. Скорее хорошенькой. Приятной внешности, но все же только хорошенькой.

Где же та великолепная красавица, которая произвела на меня такое впечатление?

Она могла решить, что я плохо воспитан: я просто стоял и разглядывал ее; я больше не испытывал благоговения, как в тот раз в ее присутствии. Теперь я мог спокойно смотреть на нее, не опасаясь будущего, которое представлял себе.

В конце концов все можно легко объяснить. Шесть недель провели мы в горах, в полевом лагере, так далеко от Джалапы, что только изредка освежали свой взгляд видом ее прекрасных жительниц. Привыкли к виду простых деревенских девушек из Бандерильи и Сам Мигель Сольдадо и непричесанных грубых скво ацтеков. По сравнению с ними эта девушка с Калле дель Обиспо поистине ангел. Неужели этот контраст ввел меня в заблуждение?

Что ж, это урок на будущее: не влюбляться так быстро. Я часто слышал утверждение, что обстоятельства часто играют большую роль в зарождении нежного чувства. Казалось, мой нынешний опыт это подтверждает.

Я испытывал сожаление, обнаружив, что ангел моего воображения – всего лишь хорошенькая женщина; это сожаление еще больше усиливалось при воспоминании о трех дале-

ких прогулках, которые я предпринял, чтобы увидеть ее, не говоря уже о бесчисленных капризах приятных предположений – и все это напрасно.

Меня слегка раздражало, что я так легко расстался с украшением своей сабли.

Но утешало меня сознание, что теперь мое душевное состояние не находится в опасности: мне было почти все равно, что подумает обо мне эта женщина. И меня совсем не тревожило возможное отсутствие взаимности, о котором я столько думал. Никакой взаимности не будет.

Испытывая такие противоречивые чувства: легкое раздражение и одновременно облегчение, я отвел взгляд от сеньориты; она смотрела на меня удивленно и, как мне показалось, с каким-то негодованием.

Причиной могла послужить моя грубость; я это понимал.

И уже собирался исправиться, торопливо уйдя отсюда – я с видом унижения опустил взгляд, – когда любопытство заставило меня еще раз взглянуть на окно. Я хотел знать, понято ли и принято ли мое раскаяние.

Я собирался бросить только беглый взгляд. Но его словно приковали.

Приковали и зачаровали! Женщина, которая три секунды казалась мне всего лишь хорошенькой, та, которую я три дня счел прекрасной, эта женщина снова превратилась в ангела. Это та самая, которую я видел, несомненно, самая прекрасная женщина на земле!

Что могло вызвать такую перемену? Неужели это иллюзия, какой-то обман чувств?

Если у леди были основания считать меня грубым и раньше, теперь для этого было вдвое больше причин. Я стоял, словно пригвожденный к месту, глядя на нее не только глазами – всей душой; все мое сознание словно сосредоточилось в этом взгляде.

Она, казалось, не так хмурится, как раньше: я был уверен, что раньше она хмурилась. Не могу этого объяснить, как не могу объяснить и другие перемены. Достаточно того, что я подумал: не зря я расстался со своим шнурком от сабли.

Некоторое время я оставался во власти удивления; меня словно покинул дар речи.

Но очарование кончилось – его разрушили не слова, а неожиданно появившаяся новая картина. У окна теперь стояли две женщины! Одна – та самая хорошенькая скромница, которая едва не прогнала меня с улицы; вторая – прекрасное существо, которое привлекло меня сюда!

С одного взгляда я понял, что они сестры.

Удивительно похожи, и фигурой, и чертами лица. Даже выражение на лицах одинаковое: именно такая похожесть, какую встречаешь у близких родственников, называется «семейным сходством».

Обе смуглы – мавританско-испанский оттенок цвета кожи, с большими выразительными глазами, с массой черных волос, падающих на шею. Обе высокие, с роскошными фигурами, обе словно вышли из одной формы: по возрасту, насколько я мог судить по внешности, они близнецы.

И все же, несмотря на все сходство, они разные. Та, которую как будто оскорбило мое поведение, – красивая женщина, и только; это вполне земное существо; а ее сестра кажется божественным созданием, чей дом – только небо!

Глава V

Вечерняя вылазка

С этого дня каждые сумерки заставляли меня на Калле дель Обиспо. Солнце не обязательно заходило за снежные вершины Кордильер, чем я шел по улицам к дому Мерседес Вилла-Сеньор.

Мне не трудно было узнать имя девушки и другие сведения о ней. Каждый встречный прохожий мог рассказать, кто живет в величественном доме с фресками.

– Дон Эусебио Вилла-Сеньор, *рико*, с двумя дочерьми – *мучачас муйлиндас* (очень красивые девушки)! – таков был ответ первого, к кому я обратился за разъяснением.

Далее мне сообщили, что дон Эусебио испанского происхождения, хотя родился в Мексике; что в венах его дочерей только андалузская кровь – чистая *сангре азул* (голубая кровь). Он один из самых знатных жителей Пуэбло.

В этих сведениях ничто не могло остановить мое зарождающееся восхищение дочерью дона Эусебио. Напротив.

Как я и предсказывал, вскоре меня подхватил вихрь страсти; и при этом я даже словом не обменялся с той, что вызвала эту страсть!

У меня не было никакой возможности поговорить с ней. Нам не позволяли вступать в контакт со знатными горожанами, за исключением сухих формальностей в некоторых официальных делах. Но всеми официальными делами занимались мужчины. Сеньориты оставались за закрытыми дверями; их так тщательно прятали от посторонних взоров, словно каждый дом превратился в гарем.

Но мое восхищение такие досадные препятствия не уменьшили; и мне удалось несколько раз увидеть, правда, на расстоянии, ту, что так меня заинтересовала.

Вряд ли можно было не понять мои взгляды, с их пылкой страстью.

Мне казалось, что они не остались незамеченными; и что в ответных взглядах было не простое любопытство и доброта.

Меня переполняли надежда и радость. Любовное приключение, казалось, приближается к благополучной развязке; но тут в поведении жителей Пуэбло произошла перемен, которую я уже описал, и они стали относиться к нам с гораздо большей враждебностью.

Вряд ли нужно говорить, что новое положение мне не понравилось. Мне приходилось по необходимости прекратить свои вечерние прогулки; в тех редких случаях, когда удавалось их совершить, я больше не видел Мерседес Вилла-Сеньор!

Ее тоже, несомненно, вынудили удалиться в отшельническое заключение: теперь все сеньориты так жили.

Но моя страсть зашла так далеко, что никакие соображения об опасности не могли меня остановить. Надежды мои окрепли; подталкиваемый ими, я не терял ни одной возможности украдкой выбраться из казармы и направиться на Калле дель Обиспо.

Меня не останавливали ни опасность на улицах, ни строгий приказ держаться от них подальше. За один взгляд той, которой отдал свой шнурок от сабли, я отказался бы от всего жалованья; и чтобы получить этот взгляд, я ежедневно рисковал своим жалованьем и должностью.

И все напрасно. Мерседес я больше не видел.

Неопределенность скоро превратилась в пытку: больше я не мог выносить ее. И решил попытаться связаться с девушкой.

Счастливы влюбленные, потому что могут передать свои мысли бумаге! Я решил написать письмо и адресовать его «донье Мерседес Вилла-Сеньор».

Передать ей это письмо – проблема гораздо более трудная.

В доме есть слуги-мужчины; они постоянно заходят и выходят через большие ворота. Кто из них не выдаст меня?

Вскоре я сосредоточил свое внимание на кучере – высоком малом в бархатных брюках; я видел, как он выводит сытых лошадей и запрягает их в карету. В его внешности было достаточно от «*никаро*» (плут, пройдоха), чтобы я был уверен, что сумею его подкупить.

Я решил испытать его. Если дублон окажется досточной платой, мое письмо будет доставлено.

В своих вечерних прогулках, часто затягивавшихся до ночи, я заметил, что этот слуга выходит; выполнив свою дневную работу, он, по-видимому, получал разрешение отправиться в *пулькерию* (лавку, где продают пульке). Я решил подстеречь его в пути во время одной из его вечерних вылазок.

В тот день, когда я написал письмо, дежурным офицером оказался мой друг. Это не было случайностью: я специально выбрал именно этот день. Поэтому мне нетрудно было узнать пароль и отзыв; закутавшись в теплый плащ – не для защиты от холода, а чтобы скрыть свой мундир, я отправился навстречу приключениям.

Ночь была подходящая, черная, как смоль; все небо затянулось густыми грозowymi тучами.

Было еще не настолько поздно, чтобы горожане исчезли с улиц. Их было сотни, они прогуливались взад и вперед, все местные жители, в большинстве мужчины низших сословий; среди них большое количество *леперос* (мошенники).

Не видно было ни одного солдата; только время от времени попадался часовой на посту: его присутствие свидетельствовало, что поблизости расположена казарма.

Выполняя строгий приказ, все наши солдаты находились в казармах. Не было даже обычных групп полупьяных мужчин в мундирах. Страх перед неожиданным нападением и смертью оказался сильнее склонности к выпивке, даже в тех частях, которые состояли исключительно из соплеменников святого Патрика (То есть ирландцев, склонных к выпивке. Святой Патрик – покровитель Ирландии. – Прим. перев.)

Чужак, оказавшийся на улицах, даже не заподозрил бы, что город занят американцами. Никаких признаков оккупации. Казалось, городом владеют *побланос*.

Жители были шумливы и веселы – под влиянием *пульке*; постоянно вспыхивали перебранки. *Леперос*, больше не опасющиеся своих властей, старались воспользоваться свободой необычных обстоятельств.

Несколько раз ко мне грубо приставали; не потому, что на мне американский мундир, а из-за моего плаща: меня принимали за аристократа.

Но это было еще ничего: оскорбления только словесные и сделанные в грубо насмешливом стиле. Если бы узнали, кто я такой, насмешками не ограничились бы.

Я очень скоро это понял и убедился, что участвую в опрометчивом и опасном предприятии.

Однако не такое у меня дело, чтобы я мог отступить; даже если опасность будет в десять раз больше.

Я продолжал идти вперед, придерживая плащ, чтобы он не распахнулся.

Мне повезло в том, что я догадался прикрыть голову мексиканским сомбреро вместо своей форменной шляпы; а что касается золотых полосок на брюках, то такие же носят мексиканские *маджо* (франты).

Минут через двадцать я оказался на Калле дель Обиспо.

По сравнению с другими улицами эта казалась пустынной. В свете тусклых масляных ламп, развешанных на большом удалении друг от друга, видны были два или три прохожих.

Одна из ламп горела как раз перед домом Вилла-Сеньор. Не раз служила она мне маяком, помогла и сейчас.

По другую сторону улицы находился еще один большой дом с портиком. В тени этого портика я занял позицию и стал ждать появления кучера.

Глава VI

«Да хранит тебя Бог!»

Хотя я примерно знал, в какое время кучер направляется в пулькерию, на этот раз я рассчитал время неточно.

Минут двадцать стоял я, сжимая в руке *биллетиту* (любовную записку), с дублоном в кармане; и то и другое готово было перейти в руки кучера. Но он не показывался.

Дом поднимался на три этажа, его стены производили внушительное впечатление. Большие, похожие на тюремные ворота, покрытые выпуклостями, как кожа носорога, закрыты. В сторожке темно; и ни одного луча света за оконными жалюзи.

Если бы я не знал, что в мексиканских домах многие помещения не имеют окон на улицу, я мог бы подумать, что каса (дом) Вилла-Сеньор необитаем или что его обитатели уже легли спать. Но последнее маловероятно: еще всего без двадцати десять.

Что с моим кучером? Обычно он выходил в половине десятого; я нахожусь здесь с четверти десятого. Должно быть, что-то задержало его внутри: приводит в порядок упряжь или чистит лошадей?

Эта мысль помогла мне терпеливо ждать; я продолжал прохаживаться взад и вперед под портиком противоположного дома.

Десять часов! Звонкие колокола собора отбивали десять. Их звон подхватили другие колокольни, которых так много в городе Ангелов; ночной воздух звенел от мелодичной музыки металла колоколов.

Чтобы убить время – и еще одну птицу тем же камнем, – я достал часы, собираюсь подвести их. Я знал, что это не самый точный из хронометров. Масляная лампа позволила мне отметить положение стрелок. Однако полутьма вызвала промедление; и я, должно быть, занимался этим делом несколько минут.

Вернув часы в кармашек, я снова посмотрел на вход в дом дона Эусебио – калитку в больших воротах, через которую должен был выйти кучер.

Калитка была по-прежнему закрыта; но, к моему удивлению, возле нее стоял человек! Он или кто-то другой?

Никакого звука я не слышал: ни топота обуви, ни срипа петель. Это не может быть кучер.

Скоро я убедился в этом; человек ничем не походил на кучера.

Мой визави на противоположной стороне улицы, подобно мне, был закутан в плащ; на голове у него было черное сомбреро.

Несмотря на маскировку и тусклый свет масляной лампы, его невозможно принять за другого слугу, торговца или леперо. Манеры и осанка, хорошо сложенная фигура, видневшаяся под складками плаща, прежде всего черты красивого лица – все говорило, что это «кавалеро».

Внешне это мужчина примерно моего возраста, лет двадцати пяти, не больше. В остальных отношениях он может иметь передо мной преимущество: глядя на его лицо, тускло освещенное лампой, я подумал, что никогда не видел такого красивого мужчину.

От углов рта отходили черные усы, под ними виднелись два ряда ровных белых зубов. На лице мужчины была приятная улыбка.

Но почему при взгляде на него мое сердце пронзила боль?

Я был разочарован, поняв, что это не кучер, которого жду. Но дело не в этом. Совсем с другим чувством разглядывал я этого человека. Я подозревал, что вместо посредника, которого намеревался нанять, вижу перед собой *соперника*.

К тому же соперника успешного, я в этом не сомневался. Доказательством служила его великолепная внешность.

Он не зря остановился перед каса Вилла-Сеньор. Это был совершенно очевидно по тому, как он поглядывал на балкон. Я видел, что смотрит он на то самое окно, которая я сам так часто и страстно разглядывал.

Его поведение и осанка – все говорило об уверенности. Он бывал уже здесь не раз, бывал часто. И сейчас он здесь не в попытке установить сомнительную связь, нет, встреча ему назначена!

Я видел, что услуги кучера ему не понадобятся. Глаза его не были устремлены в сторону ворот, но оставались прикованными к балкону вверху. Очевидно, он ожидал, что там кто-то появится.

Я стоял в тени портала, и он не мог меня видеть; впрочем, меня это несколько не беспокоило. В укрытии я оставался чисто машинально – инстинктивно, если вы предпочитаете такую формулировку. С самого начала я решил, что моя игра кончена и услуги кучера дона Эусебио Вилла-Сеньора мне не понадобятся. Его дочь уже занята!

Конечно, я думал только о Мерседес. Нелепо было бы полагать, что человек, которого я вижу перед собой, пришел к другой. Такая мысль даже не приходила мне в голову. Нет, я видел перед собой своего успешного соперника.

В отличие от меня, ему не пришлось долго ждать. Очевидно, десять часов были условленным временем. Сигнал дал звон колоколов: как только он начался, кавалер в плаще появился на улице и направился к дому.

При последнем ударе колокола я увидел, как неслышно отодвинулась оконная занавеска; в окне показалось лицо, которое я так часто видел во сне. Оно было видно неотчетливо, но совершенно реально.

Еще мгновение – и на балконе неслышно появилась одетая в черное фигура; белая рука оперлась о баллюстраду; что-то еще более белое мелькнуло в пальцах, бесшумно упало на улицу в сопровождении шепотом произнесенных слов:

– *Кверидо Франсиско, ва кон Диос* (Да хранит тебя Бог, дорогой Франсиско!)

Прежде чем записка была поднята с тротуара, прекрасная шепчущая отошла от окна; жалюзи снова опустили; дом и улица снова погрузились в тишину.

Никто, проходя мимо дома дона Эусебио Вилла-Сеньора, не мог бы сказать, что дочь его повела себя нескромно. Тайну берегли два человека: одному она, несомненно, доставила счастье, другому, столь же несомненно, горечь!

Глава VII

Бандитизм в Новой Испании

Привыкнув жить с сильным правительством, с хорошо организованной полицейской системой, мы в Англии с трудом представляем себе, как могут существовать целые разбойничьи шайки в центре цивилизованной нации.

Мы знаем, что у нас есть шайки грабителей и братства воров, единственная профессия которых – грабеж. Разбойники не исчезли окончательно; и хотя такой разбойник время от времени выходит на большую дорогу и требует “кошелек или жизни”, ни одеждой, ни внешностью он ничем не отличается от обычного торговца или рабочего. Чаще он похож на рабочего.

Больше того, он не пытается открыто нарушать закон. Он нарушает его украдкой, замаскировавшись; и если иногда сопротивляется его представителям, то только из страха ареста и его последствий: тюрьмы или виселицы.

Представьте себе банду разбойников, которая оказывает сопротивление не просто нескольким полицейским, но целому отряду регулярной армии; эта банда вооружена саблями, карабинами и пистолетами; все разбойники одеты соответственно своему занятию – представив себе такую банду, мы мысленно переносимся в горы Италии или в ущелья испанской сьерры. Мы часто сомневаемся в том, что такое возможно; совсем недавно мы в это не верили. Ваши лондонские торговцы не верят рассказам путешественников, которые были захвачены и оставались в заключении, пока не были выкуплены друзьями. А если друзей у них не было, могли быть расстреляны.

Неужели правительство не смогло их освободить? Такой вопрос обычно задают недоверчивые.

Теперь мы яснее понимаем подобные вещи. Судьба несчастного английского художника – доказанный факт. Вся мощь Италии, подкреплённая силой Англии, не помогла договориться с предводителем разбойников и заплатить ему *четыре тысячи фунтов* за освобождение пленного художника!

Торговец, сидя в партере или ложе театра, теперь больше, чем раньше, интересуется “Фра Дьяволо”. Он теперь знает, что дьявольская братия – это реальность, и маццарони нечто большее, чем создание воображения автора.

Но бывают еще более живописные разбойники, в существование которых англичанин никак не сможет поверить, разбойники не только вооруженные, одетые в отличительные костюмы и снабженные всем, как Фра Дьяволо и его маццарони, но занимающиеся своей профессией верхом (Фра Дьяволо, “брат дьявола”, знаменитый итальянский разбойник конца 18 века, ставший героем известной оперы; маццарони – итальянские разбойники. – Прим. перев.)!

И такие разбойники действуют не в одиночку, как терпины и дювали (Ричард Терпин, 1706 – 1739, – английский разбойник; Клод Дюваль, 1643 – 1670, – французский разбойник, действовавший в Англии. – Прим. перев.) своего времени; их сопровождает двадцать, пятьдесят, а часто и сто товарищей!

Конного разбойника в наше время нужно искать в горах и на равнинах Мексики. Здесь вы найдете его в полной красе; он занимается своим делом с такой энергией и изобретательностью, будто это самая уважаемая профессия!

В городе и пригородах разбой осуществляется *пикарон-а-пье*, или “пешими грабителями”. В сельской местности такое занятие становится обычной профессией; занимающиеся разбоем действуют не пешком и небольшими группами, как городские воровы и грабители;

нет, здесь возникли большие хорошо организованные отряды, на великолепных лошадях и почти с воинской дисциплиной!

Это и есть истинные *бандолерос*, или, как их иногда называют, “*сальтеадорес дель камино гранде*” – “разбойники с большой дороги”.

Их можно встретить на “камино гранде”, ведущей от Вера Крус к столице – через Джалапу или Оризаву; или между столицей и тихоокеанским портом Акапулько; на северных дорогах к Квартаро, Гуанаксуато и Сан Луис Потоси; и на западе, в сторону Гвадалахары и Мичоакана – короче, везде, где есть возможность ограбить путника.

Вы не только можете их встретить, но обязательно встретите, если воспользуетесь одним из этих трех маршрутов. Увидите сальтеадора верхом на лошади, которая гораздо лучше вашей; в костюме вдвое дороже вашего, сверкающем серебряными кнопками и золотыми или жемчужными пуговицами; на плечах у него *серане*, а может, великолепная *манья* из лучшей ткани – синей, пурпурной или алой.

И не только увидите, но и почувствуете, если не упадете лицом вниз после его строгого приказа “*A tierra !*” (На землю) и не отдадите все ценное, что имели неосторожность прихватить с собой.

Откажитесь выполнить его приказ – и получите заряд из карабина, *эскопеты* (ружья) или пистолета, а может, удар ножом в грудь!

Подчинитесь, и он великодушно разрешит вам продолжить путь. Может, даже извинится, что задержал вас!

Я знаю, вам трудно поверить в такое состояние вещей в стране, которая называет себя цивилизованной. Для меня же это – воспоминания о многих подлинных происшествиях.

Существование разбойников легко объяснить. Вы получите ключ, если представите себе землю, в которой в течение пятидесяти лет мир держался не больше нескольких дней; где анархия стала хроническим состоянием; землю, полную разочарованных душ, неудовлетворенных искателей воинской славы, которым к тому же не заплатили жалование; землю обширных пустых равнин и величественных гор, поросших непроходимыми лесами; здесь даже немногочисленные преследуемые могут сдерживать сильных преследователей.

Такова земля Анахуака. Даже в виду больших городов существуют места, где легко укроется и патриот, действующий из политических побуждений, и обычный *пикаро*, нарушавший закон.

Как и другие чужеземцы, прежде чем поставить ногу на почву Новой Испании, я не очень верил в ее необычные социальные условия. Слишком это ненормально, чтобы быть правдой. Я читал о бандитизме, слышал рассказы о нем и считал все это преувеличением. Почти каждый день останавливают дилижансы, даже когда их сопровождает охрана из драгун – от двадцати до пятидесяти человек; с пассажирами обращаются грубо, иногда убивают; а ведь среди пассажиров бывают не только простые люди, но и старшие офицеры армии, представители Конгресса, сенаторы и даже высшие сановники церкви!

Впоследствии я во все это поверил. И сам был свидетелем не одной иллюстрации к таким рассказам.

Но по правде говоря, все это не очень отличается от того, что ежедневно, ежечасно происходит и у нас. Бесчестие в другом облике и одежде; грабеж немного более смелый, чем у нас, чуть более красочный, чем на наших улицах.

И в похвалу мексиканской морали не забудем, что на одного живописного и храброго *бандолеро* у нас приходится сотня трусливых воров: юристов, биржевых спекулянтов, торговцев, не говоря уже о грандиозном налоговом мошенничестве со стороны государства. Все это в земле Монтецумы встречается лишь как исключение.

И в смысле аморальности – если бы, с одной стороны, лишить красочности, с другой – серости и плебейства, – сильно сомневаюсь, чтобы мексиканцы боялись сравнения с хваленными английскими порядками.

Что касается лично меня, то я определенно предпочитаю грабителя на дороге грабителю в рясе или в мундире; а у меня есть опыт общения и с теми и с другими.

Это отступление вызвано воспоминаниями о том, что случилось со мной в Ла Пуэбло в ту самую ночь, когда я обнаружил, что меня опередили.

Глава VIII

По следу соперника

В том, что меня опередили, невозможно было усомниться.

Никакой неясности в этих словах: «Да хранит тебя Бог, дорогой Франсиско!» Самое холодное сердце легко истолковало бы их – учитывая и то действие, которое сопровождалось этими словами.

Мое сердце было в огне. В нем была ревность; больше того – гнев.

Мне казалось, что я имею право на гнев. Если женщина когда-либо давала надежду – взглядами и улыбками, – то это Мерседес Вилла-Сеньор.

Все было сделано, чтобы обмануть меня; может, чтобы удовлетворить легкий каприз женского тщеславия? Она несомненно дала мне понять, что заметила мое восхищение. Оно было слишком ясно, чтобы его можно истолковать их по-другому. Может, ей слегка льстило мое внимание? Так это или нет, но я определенно получал знаки одобрения.

Однажды с балкона упал цветок. Выглядело это как случайность; во всяком случае, она постаралась, чтобы случай этот трудно было интерпретировать. Я принял это как вызов; пройдя по тротуару, наклонился и поднял цветок.

В ответ я увидел одобрительную улыбку, которая словно говорила: «Это за шнур от сабли». Так я тогда и подумал; мне казалось, что я вижу свой шнур за плетенкой корсета платья девушки: он был на мгновение продемонстрирован, а потом искусно спрятан.

Это произошло во время моей десятой прогулки на Калле дель Обиспо. В последний раз мне удалось тогда увидеть Мерседес в сумерках. После этого началось досадное заключение; теперь ему предстояло смениться длительным периодом раздражения: записка и сопровождавшие ее слова положили конец моим надеждам – так же окончательно, как если бы Мерседес оказалась в объятиях Франсиско.

Наряду с раздражением, я испытывал унижение. Мне казалось, что *сомной играли*.

На ком сорвать свое раздражение? На сеньорите?

Никакой возможности. Она уже ушла с балкона. Я могу больше никогда ее не увидеть – ни здесь, ни в другом месте. На ком тогда? На человеке, который опередил меня?

Перейти улицу, бросить ему вызов, начать ссору и кончить ее своей саблей? Человек, которого я никогда раньше не встречал и который, по всей вероятности, меня никогда не видел!

Как это ни нелепо, каким несправедливым это ни покажется, именно таков был мой первый порыв!

Но потом его сменили более благородные мысли. Лицо Франсиско говорит в его пользу. Я разглядел его лучше, когда он подошел к лампе, чтобы прочесть записку. Человека с таким лицом нельзя оскорблять без основательной причины; недолгое рассуждение убедило меня, что причина неосновательная. Он не только не знает, что его соперничество причинило мне горе: скорее всего он просто не подозревает о моем существовании.

И в будущем не должен подозревать.

Таковы были мои рассуждения, когда я повернулся, собираясь уходить. Причин оставаться больше не было. Кучер может уходить и приходить, не опасаясь, что я обращусь к нему. Медлительность не позволила ему заработать *онзу* (золотая монета). Письмо, которое я держал в руке, отправилось в скомканном виде в карман. Теплые слова, выражение искренних чувств – все то, что я сочинял со всем доступным мне искусством, никогда не дойдет до той, кому предназначалось!

С дочерью дона Эусебио Вилла-Сеньор все покончено; но я знал, что в сердце у меня она остается, и пройдет очень много времени, пока я не сумею удалить ее оттуда.

Я повернулся, чтобы вернуться к себе и там попытаться справиться с испытанным унижением. Но ушел не сразу. Что-то шепнуло мне немного задержаться. Может, у эпизода, невольным свидетелем которого я стал, будет продолжение.

Вряд ли такая мысль заставила меня задержаться. Совершенно очевидно, что девушка не собирается выходить снова. На балкон она выбралась украдкой. Я заметил, что она раз или два оглядывалась через плечо, как будто за ней следят внимательные глаза и она выбрала мгновение, когда эти глаза отвернулись.

Все ее действия отличались необычной осторожностью. Было очевидно, что возлюбленные встречаются без разрешения. Ах, я слишком хорошо понимал это тайное свидание!

По-прежнему в тени портика я наблюдал, как Франсиско читает, вернее, пожирает взглядом записку. Как я завидовал ему в эти благословенные моменты! Должно быть, слова записки ему приятны, как горько мне это зрелище.

Лицо его оказалось прямо под лампой. Я видел, что такого мужчины может любить женщина, к нему может ревновать другой мужчина. Неудивительно, что он завоевал сердце дочери дона Эусебио!

Он недолго ознакомился с содержанием записки. Конечно, она принесла ему радость. Я видел его сияющее лицо. Если бы мог увидеть свое, то стал бы свидетелем печального контраста!

Но вот он кончил чтение. Сложил записку – бережно, как будто собирался сохранить ее надолго. Она исчезла под плащом; плащ запахнут плотнее; последний взгляд на место, где он получил послание, принесшее радость; повернувшись, он с улыбкой ушел.

Я последовал за ним.

Не могу сказать, почему я так поступил. Первые шаги я сделал совершенно машинально – без мотивов, не задумываясь.

Возможно, это был инстинкт или то странное чувство очарования, которое притягивает жертву к той самой опасности, которой ей следует избегать.

Благоразумие и опыт, если бы я к ним обратился, сказали бы мне:

«Уходи другим путем. Уходи и забудь ее! Его тоже – забудь все случившееся. Еще не поздно. Ты еще только на краю Сциллы страсти. И можешь еще избежать ее. Уходи и спасайся от Харибды!»

Благоразумие и опыт – что они перед такой красотой? Какую силу имеют они против очарования мексиканской девушки?

Даже злость, которую я испытывал, не могла перевесить чашу весов в их пользу. Мне хотелось узнать как можно больше; и, может быть, именно это заставило меня пойти следом за Франсиско.

Вскоре в моем сознании сформировался и план – нечто вроде ужасного мотива, оправдывающего мои действия. Мне хотелось больше узнать о человеке, опередившем меня.

Он выглядит джентльменом, осанка подлинного *милитарио* (военного); я и раньше часто встречал таких в земле Анахуака, хотя до сих пор они были моими противниками.

Ничего подчеркнуто военного в его одежде не было.

Он шел по улице под лампами, а я наблюдал за ним, за его походкой, за стилем и характером. Пара темно-серых брюк без шевронов; плащ; глазированная шляпа – так одеваются обычные *коммерсиантес* (торговцы) города. Мне казалось, что одежда у него слегка потрепанная – это свидетельство долгого употребления. Однако материал дорогой. Плащ из лучшей ткани испанского производства; на шляпе вышитая золотом лента; когда-то она, должно быть, ярко блестела.

Все эти наблюдения я делал не зря. Я извлек из них несколько заключений. И одно самое очевидное: мой соперник совсем не богат, напротив – он беден, у него совсем нет денег.

Это заключение подтвердилось, когда я увидел, что он остановился перед входом в скромный одноэтажный дом на столь же скромной улице; он уверенно и привычно открыл дверь и вошел.

Вывод совершенно однозначный: он не принадлежит к «рикос» города. Это объясняет и тайную передачу записки, и осторожность поведения той, что эту записку написала.

Эта мысль не только не утешила меня; напротив – усилила мою горечь. Мне было бы легче, если бы моего соперника окружали великолепие и роскошь. Любовь, не привлекаемая богатством, должна быть действительно искренней, ее не уничтожишь. Невозможно заменить возлюбленного, которого любят ради него самого. Никакой надежды у меня не оставалось.

Случай дал мне доступ к романтической истории. Мерседес Вилла-Сеньор, дочь одного из богатейших горожан, живущая в одном из лучших домов, тайно переписывается с мужчиной в потрепанном плаще, который живет в одной из самых бедных хижин города Ангелов!

Это открытие меня не очень удивило. Я знал, что в Мексике такое случается. Но знание несколько не смягчило моего раздражения.

Глава IX

Смерть американцу!

Я следовал за Франсиско, как вор за ничего не подозревающей жертвой, к которой он хочет применить свое искусство.

Поглощенный своими мыслями, я не заметил трех настоящих воров, кравшихся за мной.

Впрочем, я не очень точен. Это были не обычные воры, а *пикаронес-а-пиед* – пешие разбойники.

Мне предстояло впервые с ними познакомиться.

Как я уже сказал, я не заметил, что мне, в моей сомнительной роли, кто-то подражает.

После исчезновения моего соперника за дверью я еще несколько секунд оставался на улице, не зная, что делать дальше. С «дорогим Франсиско» все ясно; нужно возвращаться к себе.

Но куда идти? Поглощенный своим шпионажем, я не обращал внимания на направление и теперь заблудился на улицах Ла Пуэбло!

Что делать? Я стоял в задумчивости.

Неожиданно я почувствовал, что меня схватили сзади!

Схватили одновременно обе руки и прижали к горлу *гароту* (удавку).

Меня схватили сильные руки; но их силы оказалось недостаточно.

Тогда я был в расцвете мужественности; и хотя это может показаться хвастовством, справиться со мной было нелегко.

Резким рывком я высвободил руки; неожиданно повернувшись, так что гарота соскользнула, нанес удар тому негодяю, который ее держал, и тот упал на тротуар.

Прежде чем эти трое смогли опомниться, я выхватил револьвер и готов был убить первого же нападающего.

Разбойники остановились в страхе. Они не ожидали такого решительного сопротивления; если бы они были одни, я бы, вероятно, никогда их больше не увидел.

Если они одни, я легко с ними справлюсь. По правде говоря я мог бы застрелить всех троих, пока они так стояли в молчаливой нерешительности.

У меня был в руке шестизарядный «кольт»; другой такой же – за поясом. Двенадцать выстрелов, лучшие патроны и взрыватели; тщательнейшая заправка. Достаточно и четвертой части этих патронов: не думаю, чтобы я хоть раз промахнулся.

Несмотря на то, что происшествие возбудило меня, никогда в жизни я не был более хладнокровен. Весь предыдущий час нервы мои были напряжены, но это только укрепило их.

Я искал, на чем сорвать свой гнев; и вот то, что нужно. Бог или дьявол словно послал мне этих трех грабителей как клапан для облегчения моего гнева, нечто вроде цели, на которой можно его сорвать.

Кроме шуток. Я так тогда и подумал. И был так уверен в себе, что не знал только, в кого выстрелить первым.

Вы можете мне не поверить. Заверяю вас, описанная сцена не вымысел; она происходила в действительности. Реальными были и все связанные с нею мысли.

Я стоял, глядя на нападавших, не зная, кого выбрать.

Палец мой лежал на курке; но я не выстрелил, потому что меня удержала одна мысль.

Еще рано, и на тротуаре много прохожих. Входя в эту тихую улицу, я миновал нескольких. Со своего места я видел десяток темных фигур на удалении и у входов в дома.

Это все были *леперос* самого низкого пошиба.

Звук выстрела привлечет ко мне толпу; от грабителей я избавлюсь, но мне будет угрожать гораздо более серьезная опасность от *патриотов* !

Теперь я вполне осознавал, в какой опасности оказался из-за своей неблагоприятной прогулки.

Поскольку грабители явно отказались от своего намерения и старались как можно быстрее уйти за пределы досягаемости моего пистолета, я решил, что самое разумное – отпустить их.

И собирался уйти и сам – только нужно еще подобрать плащ, соскользнувший в схватке.

Подняв плащ, я решил уходить подальше отсюда.

Но не сделал и шести шагов, как понял, что совершил ошибку и что лучше мне было бы убить этих троих негодяев. После этого мне, возможно, удалось бы незаметно уйти.

Позволив им уйти, я дал также возможность вернуться с подкреплениями и под другим предлогом, чем их основная профессия.

Убегая, трое подняли крик; им ответило два десятка голосов; и прежде чем я понял, что происходит, меня окружили люди, смотревшие с нескрываемой враждебностью.

Неужели все это грабители, товарищи тех, кто напал на меня?

Неужели я случайно попал на улицу, какие встречаются в европейских городах, целиком отданную воровскому братству, где стражи закона по ночам не решаются показываться?

Таково было мое первое впечатление, когда я заметил гневные взгляды и враждебное отношение тех, кто толпился вокруг меня.

Но слушая их возгласы, я тут же изменил свое мнение.

– *Диос и либертад! Муэро эль американо!* (Бог и свобода! Смерть американцу!)

Неудачливые грабители вернулись в новом облике. Они заметили мой мундир, когда в драке я уронил плащ; и теперь под видом патриотов собирались отомстить за свое разочарование и унижение.

Мне повезло, что я стоял на освещенном месте; вблизи горело несколько уличных ламп.

Будь здесь темней, на меня, вероятно, сразу напали бы и изрубили в куски, прежде чем я разглядел противников. Свет помог мне и в другом отношении. Мои новые противники увидели пару револьверов кольт: один я держал в руке и готов был выстрелить; второй можно быстро извлечь.

Их оружием был нож. Я видел вокруг себя десятков обнаженных лезвий; но если они попытаются приблизиться, чтобы пустить их в ход, некоторым это будет стоить жизни.

У них хватило ума это понять; они остановились в нескольких шагах, образовав вокруг меня неправильное кольцо.

Кольцо не полное – только полукруг, потому что я прижался спиной к стене дома, у самого входа в него.

Это была счастливая мысль или инстинкт: тем самым я помешал напасть на себя сзади.

– Что вам нужно? – спросил я у нападавших на их языке: мне повезло, что я бегло говорю по-испански.

– Твоя жизнь! – последовал лаконичный ответ. Это произнес мужчина зловещей наружности. – Твоя жизнь, *филибустеро* (пират)! И мы ее отнимем! Так что можешь опустить свой пистолет. Сдавайся, янки, если не хочешь, чтобы тебя прикончили на месте!

– Ты можешь меня убить, – ответил я, глядя негодяю в глаза, – но раньше я убью тебя, достойный сэр! Слышишь меня, каваллеро? Первый, кто сделает ко мне шаг, упадет. Это будешь ты, если у тебя хватит храбрости.

Не могу описать, что я чувствовал в это время. Помню только, что был спокоен, словно участвую в репетиции театральной сцены. А ведь это была подлинная трагедия, которая могла закончиться смертью!

Хладнокровие мое, возможно, объясняется отчаянием или инстинктом, подсказывавшим, что больше ничего меня не выручит.

Мои слова и сопровождавшие их жесты произвели впечатление. Рослый человек, явно предводитель, видел, что я выбрал его первой целью для своего выстрела, и отступил в толпу.

Но среди его спутников были более храбрые и решительные; снова со всех сторон послышался крик: «*Муэра эль американо!*»; *патриоты* почувствовали новый прилив гнева.

К тому же толпа непрерывно увеличивалась, с улиц подходили все новые горожане. Я видел, что мой шестизарядный пистолет меня не выручит.

Не было никакой возможности спастись. Смерть, несомненная, ужасная, смотрела мне в лицо. Я не видел способа избежать ее. Оставалось только подороже продать свою жизнь.

Перед смертью я уничтожу немало этих трусливых убийц.

В их руках я не видел пистолетов или другого огнестрельного оружия – ничего, кроме ножей и *мачете*. Они могут подобраться ко мне только спереди; и я был уверен, что прежде чем они достаточно приблизятся, я смогу разрядить оба пистолета. Не менее десятка врагов умрут до меня.

У меня великолепная позиция для защиты. Дом у меня за спиной построен из *адобес* (необожженный кирпич), стены у него в три фута толщиной. Дверь очень прочная. Я стоял, прижавшись к ней спиной, и косяки с обеих сторон защищали меня. У меня была позиция барсука, на которого в норе нападают терьеры.

Не могу ответить, долго ли сумел бы продержаться. Несомненно, это зависело от храбрости нападавших и их гнева, который разжигали постоянные крики «*Муэра эль американо!*»

Но никто из кричавших так и не устремился ко мне, навстречу верной смерти.

Они окружили дверь, словно стая свирепых псов, загнавших в тупик оленя, и даже самый смелый из них не решается прыгнуть вперед.

Несмотря на то, что я понимал: это ужасная трагедия, все же что-то в ней напоминало фарс: так долго и так старательно нападавшие держались подальше от меня.

И еще нелепей могла показаться сцена зрителю, когда я упал на спину: опора за спиной исчезла.

Неожиданное изменение моего положения не было вызвано выстрелом или неожиданным ударом: просто открылась дверь, к которой я прижимался.

Кто-то за мной открыл задвижку и тем самым выбил опору.

Глава X

Улица Ласточек

Упав назад, я почувствовал, что ударился головой и плечами о чьи-то ноги. Они остановили мое падение, иначе я мог бы потерять сознание: пол был вымощен каменными плитами.

Я не стал терять времени на то, чтобы высвободиться; но человек, открывший дверь, переступил через меня и остановился на пороге.

Когда он проходил мимо меня, я увидел что-то блестящее. Это была сабля. Я видел в его руке ее рукоять.

Прежде всего я подумал, что он решил помешать мне отступить. Конечно, я решил, что это один из моих врагов. Мог ли я ожидать, что встречу в таком месте друга и защитника?

Впрочем, особого значения это не имело. Я считал, что уйти через дверь невозможно. Даже если успею ее закрыть, это не поможет.

Но тут мне пришло в голову соображение, о котором я раньше не подумал. А есть ли в доме задняя дверь? Или лестницы, ведущие на *азотею* (плоская крыша)?

Мои рассуждения были стремительны, как сама мысль; тем не менее они тут же утратили свое значение. Человек, открывший дверь, стоял спиной ко мне и лицом к улице. Крики толпы ворвались вместе со мной; несомненно, и сами нападавшие последовали бы за ними, если бы это им позволили.

Но они не заходили, как я видел. Тот, кто отрыл дверь самому нежеланному гостю, тем не менее намерен был соблюдать священные правила гостеприимства.

Он стоял между косяками двери, и я заметил, что лезвие он держит перед собой, приказывая не приближаться.

Приказ был отдан властным голосом и подкреплён длинным толедским клинком, чье лезвие смертоносно блестело в свете ламп. Оно вызвало у нападавших страх, и те замолчали. Последовал короткий промежуток тишины.

Его нарушил хозяин дома.

— Негодяи! — заговорил он тоном, каким обращаются к продчиненным. — В чем дело? Что вам нужно?

— Враг! Янки!

— *Каррамбо* ! Вероятно, это синонимы. Похоже, вы правы, — продолжал он, полуобернувшись и глядя на мой мундир. — Но зачем это вам? — продолжал он. — Какая польза нашей стране, если мы убьем беднягу?

Я почувствовал возмущение этими словами. А в говорившем узнал красивого молодого человека, который только что получил записку Мерседес Вилла-Сеньор!

Какая горькая ирония в том, что именно он стал моим защитником!

— Пусть подходят! — воскликнул я, в отчаянии от этой мысли. — Мне не нужна ваша защита, сэр! Но все равно спасибо! В моих руках жизнь по крайней мере двенадцати этих джентльменов. После этого они могут забрать мою. Отойдите в сторону и увидите, как я разбросаю этот трусливый сброд. В сторону, сэр!

Наверно, мой защитник решил, что я спятил.

— *Каррамбо* , сеньор! — ответил он, ни в малейшей степени не раздражаясь из-за моего неблагодарного ответа. — Вероятно, вы не отдаёте себе отчет в том, какая опасность вам грозит. Достаточно мне сказать слово, и вы мертвец.

— Так скажите его, капитан! — крикнул кто-то в толпе. — Почему вы молчите? Янки вас оскорбил. Нужно наказать его хотя бы только за это!

– *Муэра! Муэра эль американо!*

Возбужденные этими криками, нападавшие приблизились к двери.

– *Аль атрас, леперос* (Назад, негодяи!)! – закричал мой защитник. – Первого же ступившего на мой порог – пусть он очень скромен – я проткну своей саблей, как кусок *тасаджо* (вяленое мясо). Вы здесь расхрабрились на *Каллекито де лос Пайарос* (Птичья улица)! Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из вас решился встретиться с врагом в Вера Крус или Сьерро Гордо!

– Вы ошибаетесь, капитан Морено! – ответил рослый смуглый мужчина, стоявший в первом ряду; я узнал в нем предводителя тех троих, что напали на меня. – Перед вами один из тех, с кем вы сражались в тех двух битвах, о которых упомянули. Он вышел из них не так, как вы, – пленником на честном слове!

– Капитан Карраско, если не ошибаюсь? – насмешливо ответил мой защитник. – Могу поверить, что это относится к вам. Вы уж точно не пленник. Успели убраться подальше до того, как стали брать в плен.

– *Караджо!* – закричал его смуглый противник, побледнев от гнева. – Вы смеете это сказать? Слышали, *камарадос*? Капитан Морено считает себя не только нашим судьей, но и защитником проклятых захватчиков! И мы должны подчиниться его приказам, мы, жители Пуэбло!

– Нет! Мы этого не потерпим! *Муэрта эль американо!* С янки нужно покончить!

– Вам придется его брать, миновав мою саблю, – хладнокровно сказал Морено.

– И ствол моего пистолета, – добавил я, вставая рядом со своим великодушным хозяином. Я решил вместе с ним защищать вход в дом.

Неожиданное сопротивление изменило отношение Карраско и его трусливых товарищей. Хотя они продолжали кричать, но ясно было, что решительность их оставляет; вместо того чтобы нападать, они стояли на месте.

Они как будто знали характер моего защитника и его саблю; и это, несомненно, их сдерживало.

Но истинная причина их медлительности заключалась в моих шестизарядных пистолетах, которые я теперь держал в обеих руках. Мексиканцы совсем недавно познакомились с этим великолепным оружием – его впервые использовали в недавней кампании, – и его уничтожающая сила, в десятки раз преувеличенная слухами, внушала им, как и индейцам прерий, почти сверхъестественный страх.

Возможно, именно этому чувству я был обязан спасением. Как ни храбр мой защитник, как ни искусно мог он владеть своим толедским клинком, как ни быстро я бы сделал двенадцать выстрелов, какое все это могло иметь значение против разъяренной толпы, в которой уже не меньше ста человек и которая все увеличивается? Один из нас, может, и оба погибли бы, не устояв перед яростью толпы.

Может показаться странным разговор о чувстве в таком кризисе, в котором я оказался. Вы мне не поверите. Однако, клянусь честью, оно существовало. Я испытывал его и был в этом уверен, как никогда в жизни.

Вряд ли мне стоит говорить, что это за чувство. Чувство глубочайшей благодарности – вначале к Франсиско Морено, а потом к Богу – за то, что сотворил такого благородного человека!

Следующая мысль была результатом этого чувства. Нужно спасти того, кто рискует ради меня жизнью.

Я уже собрался попросить его отойти в сторону и предоставить меня моей судьбе. Какая польза в том, что мы оба умрем? Я искренне верил, что смерть рядом.

Но мне не удалось выполнить свое намерение, хотя не из-за страха. Причина, заставившая меня промолчать, была совершенно иной.

Мы стояли молча: защитники и нападающие, – и в этот момент ветерок донес звук, продливший молчание.

В этом звуке невозможно было усомниться. Каждый, кто хоть раз слышал, как по улице проходит конный отряд, сразу узнал бы его: продолжительный топот копыт, звяканье подгубных цепочек, стук ножен, когда они задевают за стремяна.

Не только я, но и все остальные на улице Ласточек сразу узнали эти звуки.

– *Ла гуардия! Ла патрилла американа !* (Стража! Американский патруль!) – слышались в толпе приглушенные восклицания.

В сердце моем вспыхнула радость, и я готов был броситься вперед, считая, что враги передо мной расступятся.

Но нет. Они стояли неподвижно, как стена, сохраняя полукруг у двери.

Решив не отступать, они тем не менее сохраняли молчание, по-прежнему грозя своими ножами и мачете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.